

Глава 9

Проснувшись, Лу Янсин почувствовал головную боль. Он несколько мгновений лежал неподвижно, прежде чем вспомнил, что вчера пил, а потом кое-как добрался до общежития.

Что было дальше, он не помнил.

Судя по тому, что юноша проснулся в своей кровати, Бай Си о нём позаботился.

Он повернул голову и посмотрел на соседнее место. Бай Си ещё спал.

Лу Янсин взглянул на часы — было уже почти семь. Он тут же вскочил, подбежал к кровати соседа и, присев на корточки у самого края, позвал его:

— Бай Си, вставай!

Так близко тот выглядел ещё красивее.

«Если бы я мог видеть его каждый день, уровень моего счастья взлетел бы до небес»

— Бай Си, Бай Си, — прошептал Лу Янсин ему на ухо, — уже почти семь, пора вставать.

Веки юноши дрогнули, и через несколько секунд он медленно открыл глаза. Лу Янсин улыбнулся ему:

— Проснулся.

Зрачки Бай Си резко расширились, и краска мгновенно залила его шею и уши.

Его сожитель всё ещё улыбался:

— Пойдём вместе в столовую, а то всё съедят.

Бай Си, вцепившись в одеяло, медленно сел.

— Что-то не так? — спросил Лу Янсин, заметив его растерянный вид.

Тот покачал головой, уставившись перед собой остекленевшим взглядом.

Вчера ему приснился сон.

Он долго ворочался, не мог уснуть, а когда наконец забылся, весь его сон был посвящён тому, как Лу Янсин пел и танцевал ту... не поддающуюся описанию песню.

«Это было так неприлично... Как он вообще мог такое петь?»

Такие непристойные слова, слишком дерзкие и развязные движения... Почему Лу Янсин мог делать это без малейшего стеснения?

Тем более он айдол, публичная личность.

Бай Си хмурился, вспоминая это.

Он чувствовал, что должен серьезно поговорить с товарищем, но тот вчера был пьян и, похоже, ничего не помнил, а самому ему было неловко поднимать эту тему.

Вот только во сне он смотрел на танец, не отрываясь, и не чувствовал ни малейшего стыда...

Бай Си казалось, что он сходит с ума.

Когда они пришли, столовая была уже переполнена. Взяв еду, они с трудом нашли свободное место.

Лу Янсин тут же принялся за трапезу. Сегодня на обед были гунбао с курицей, тушёный тофу, паровая тыква и суп из морских водорослей. Тётушка Су, как всегда, наложила ему огромную порцию, и он уплетал всё за обе щеки.

Еда была одной из немногих радостей в этом лагере. Тётушка готовила отменно, не то что Хунь Гэ, который умел делать только яичницу с помидорами и жареный перец с мясом.

На фоне соседа Бай Си ел с исключительной элегантностью, каждый его жест был выверен.

Лу Янсин, быстро справившись со своей порцией, сидел и наблюдал за тем, как ест другой. Он открыл бутылку молока и, подперев подбородок рукой, пил маленькими глотками.

«Неудивительно, что он айдол. Даже ест так, что глаз не оторвать»

Бай Си всё время чувствовал на себе чужой взгляд.

Он делал вид, что ничего не замечает, но кончики его ушей уже пылали.

«Как можно так бесцеремонно пялиться на людей? Хорошо, что он парень. Будь на моем месте девушка, это было бы откровенным заигрыванием. А вчера он ещё и вытворял передо мной такие непристойные вещи. Как так можно?»

Бай Си долго размышлял, затем поднял глаза. Лу Янсин всё ещё смотрел на него. Возможно, от острой еды его губы казались особенно красными. Юноша пил молоко и от скуки кончиком языка прижимал трубочку. В уголке его рта осталось белое пятнышко.

Бай Си поспешно опустил голову и, указав на свой рот, напомнил:

— У тебя здесь испачкано.

Лу Янсин моргнул.

Ну и пусть, потом вытрет. Но раз уж Бай Си так любезно указал на это, нельзя было игнорировать. Он просто облизал губы и продолжил пить молоко.

Бай Си пожалел, что вообще что-то сказал.

Тот смотрел прямо на него, слизывая белую каплю, отчего губы мгновенно покрылись влажной, блестящей плёнкой.

Бай Си снова нахмурился.

«Ну как так можно? Он что, не понимает, что делает?»

Лу Янсин, считая себя абсолютно искренним, не замечал ничего странного и, подливая масла в огонь, с восхищением произнёс:

— Бай Си, ты даже когда ешь, такой красавчик.

— Кхм! — Бай Си поперхнулся.

— Что такое? — Лу Янсин наклонился к нему с беспокойством. — Ты ешь помедленнее.

Тот, откашлявшись, отвернулся:

— ...Ничего.

Его часто хвалили за внешность, и он никогда не придавал этому особого значения. Но поведение Лу Янсина... Заставляло подозревать, что у него есть какие-то скрытые мотивы.

Бай Си старался вести себя как ни в чём не бывало, но мысли его были уже далеко.

Лу Янсин, скорее всего, старше, у него больше жизненного опыта и свои методы общения. К тому же все растут в разной среде, а этот человек казался таким особенным, не от мира сего, со своими собственными взглядами, зрелым и уверенным в себе. Возможно, его поведение, намеренное или нет, было просто стилем общения, который Бай Си ещё не мог до конца понять.

«Возможно, я просто сужу по себе»

Бай Си понял: не стоит оценивать других, основываясь лишь на собственных представлениях. Он должен сосредоточиться на тренировках, чтобы не подвести семью, фанатов и команду.

Каким бы ни был Лу Янсин, это неважно. К тому же ходили слухи, что среди трейни часто бывают интриги. Лу Янсин, хоть и казался немного грозным и легкомысленным, был к нему добр. Он подарил ему наколенники и обещал заботиться.

Такого дружелюбного человека Бай Си тем более не должен был осуждать.

Ему следовало замечать в нём хорошее, а не раздувать из мухи слона. Все его догадки были беспочвенны, а судить о человеке по собственным домыслам — крайне неэтично. Он искренне пожалел о своих недавних мыслях.

После этого внутреннего монолога Бай Си перестал так смущаться.

«Действительно, главное — быть строгим к себе. Так не создашь проблем другим и избежишь ненужных недоразумений»

— Ты закончил? — спросил Лу Янсин, увидев, что Бай Си убирает поднос, и тоже встал.

По дороге в репетиционный зал он, гордо выпрямившись, по-дружески обнял Бай Си за плечи. Тот напрягся, но не отстранился.

Наверное, это и есть настоящая дружба.

А настоящий друг, Цуй Цзиньси, в это время в одной тонкой майке дрожал на утреннем ветру.

«Мы же договаривались о совместной пробежке! Где носит этого Бай Си?!»

Утром была репетиция, а в обед Лу Янсина уже потащили на грим.

Предстояли официальные съёмки, и он, как С-позиция, не мог позволить себе выглядеть небрежно. Девушка-визажист была очень милой и умелой, поэтому он быстро проникся к ней доверием.

После нанесения тональной основы парень посмотрел на свою безупречную кожу и, хотя был равнодушен к косметике, не смог сдержать восхищения:

— Потрясающе.

— Ещё бы, — с гордостью ответила Хэ Момо. — Самый популярный сценический образ прошлого сезона — моя работа.

Лу Янсин проникся к ней еще большим уважением и, подумав, спросил:

— А вы можете сделать мне очень крутой макияж? Такой, чтобы все ахнули.

— Конечно. Будет так круто, как ты захочешь, — похлопала она себя по груди.

— Спасибо, — с благодарностью произнёс юноша, уже предвкушая результат.

Он и так был хорош собой, а после макияжа, наверное, станет похож на молодого Леонардо Ди Каприо.

С этими мыслями Лу Янсин послушно закрыл глаза, боясь помешать процессу.

Через некоторое время Хэ Момо попросила его открыть глаза, чтобы нарисовать ресницы. Юноша воспользовался моментом, чтобы взглянуть на себя в зеркало.

Круглые глаза были подведены так, что казались огромными, с тенями, углубляющими контур, и блёстками на внешних уголках. Слегка подправленные стрелки были чуть приподняты, а под глазами сияли хайлайтером мешочки-эгёсаль. Брови были лишь слегка подчеркнуты, отчего казались пушистыми и немного «обиженными». На щеках играл румянец цвета корицы, а губы, окрашенные светлым тинтом, выглядели пухлыми. Под левым глазом красовалась маленькая цветная звёздочка.

Лу Янсин не понимал.

Это было слишком далеко от его представлений о smoky eyes, густой чёрной подводке и резких бровях.

Хэ Момо была очень довольна своей работой и, тихо вскрикнув, принялась фотографировать его на телефон.

— ...Это точно круто? — тихо спросил Лу Янсин.

— Конечно! — ответила Хэ Момо. — Круто в твоём стиле! По-милому круто!

Лу Янсин: «...»

Днём начались официальные съёмки.

Танцевальный талант юноши был, мягко говоря, скромным. После долгих занятий он едва научился без ошибок повторять все движения.

Во время записи в зале присутствовали и наставники, так как по результатам этого выступления им предстояло выставить оценки за заглавную песню.

Стоя в центре сотни человек, Лу Янсин немного нервничал.

Сначала всё шло по плану, но режиссёр, посмотрев отснятый материал, остался недоволен. Он долго ходил взад-вперёд, обсуждая что-то с персоналом, и в итоге подошёл к Лу Янсину:

— Добавь тот свой выкрик «йоу» из вчерашнего выступления!

Лу Янсин: «???»

Режиссёр, решив, что парень не понял, даже сам продемонстрировал, подпрыгнув на расставленных ногах и энергично взмахнув кулаком:

— Йоу!

Лу Янсин: «???»

— Вот это, — сказал режиссёр. — То, что ты делал вчера на отборе С-позиции. Добавь это в начало, мы снимем твой сольный кадр.

Лу Янсин был в ужасе.

Режиссёр, довольный собой, уже удалялся, заложив руки за спину.

Парень стоял как громом поражённый.

«Неужели он не понимает, как глупо это выглядит?»

Он только-только оправился от позора, а его снова заставляют плясать на собственных костях.

За что ему это? Что за ненависть? Это извращение человеческой природы или полный упадок морали?

В итоге Лу Янсину пришлось кричать «йоу» больше десяти раз.

Первый раз — недостаточно громко, второй — недостаточно энергично, третий — рука не так поднята...

В результате за всю свою последующую многолетнюю карьеру во фристайле и рэпе Лу Янсин больше ни разу не произнёс «йоу».

Когда съёмки закончились, режиссёр отпустил их. Наставники уже выставили оценки, которые должны были объявить через несколько дней.

Лу Янсин не успел сойти со сцены, как увидел, что стоявший в стороне помощник наставника подошёл к режиссёру.

Тот говорил громко, не стесняясь, и его недовольный, насмешливый голос разнёсся по всему павильону:

— ...Нет, ну вы видели, как танцует тот, кто стоит в центре? Его что, никто не учил? Он же выглядит просто жалко. Я предлагаю, пока не поздно, заменить его и всё переснять. Ставить его в С-позицию — это всё равно что делать из зрителей дураков. Неужели среди всех трейни не нашлось никого сильнее?

Лу Янсин стоял ближе всех и всё отчётливо слышал. Он вскинул бровь. Кажется, этого наставника звали... Лю Сладкое Сердечко?

Парень уже не раз сталкивался с подобным, так что он просто запомнил обидчика и, усмехнувшись, не придал этому значения.

Однако остальные, похоже, так не считали. Несколько трейни, тоже слышавших резкие слова, подошли к нему и тихо заговорили:

— Янсин, не обращай внимания, сеньор Лю всегда такой. От него доброго слова не дождёшься.

— Да-да, это просто для шоу, он не хотел тебя обидеть.

Казалось, они искренне пытались его утешить.

Вокруг него собралось ещё больше людей. Кто-то, осмелев, даже назвал наставника по имени:

— Лю Тяньсин всегда так себя ведёт, он по жизни грубиян. Не слушай его.

Кто-то похлопал Лу Янсина по спине, подбадривая:

— Не расстраивайся, для нас ты — лучшая С-позиция!

— Да-да! Мы сами тебя выбрали, не плачь!

— Не грусти!

— Хочешь вытереть слёзы? Можешь воспользоваться моим рукавом.

— Если нужна опора, можешь опереться на моё плечо.

— Ягнёночек, не плачь, у меня сердце разрывается, когда ты такой.

Лу Янсин, который не испытывал ничего, кроме лёгкого любопытства, и даже хотел посмеяться: «???»

<http://bllate.org/book/15966/1443394>